

Сколько Владик себя помнил, его бабушка была артистка. Так её называла мама, она всегда говорила: «Наша бабушка-артистка». Иногда мама говорила просто: «Наша артистка». Но обычно она так говорила только в присутствии его или другой бабушки, которая была просто баба Валя. А у бабушки-артистки и имени словно не было. Папа называл её мамой, но говорил ей «ты», а мама Владика обращалась к ней «вы, мама». Маленького Владика всё это разногласие сначала смущало, но потом он привык и воспринимал его как должное.

Лишь с возрастом Владик понял, что артисткой бабушку называли потому, что она выступала перед публикой. Причём особой гордостью по этому поводу никто в семье не испытывал, как раз наоборот; особенно мама относилась к этим выступлениям насмешливо.

Бабушка выступала с чтением стихов. Стихи она учила наизусть и знала их такое количество, что могла часами декламировать, ни разу не сбиваясь, не подглядывая в шпаргалку. Она читала стихи, словно рассказывала истории, словно сама была их автором. «Я читаю стихи о жизни», — говорила бабушка о своих выступлениях.

К ним она тщательно готовилась: разыскивала где-то стихи, записывала их в свои тетрадки, потом долго разучивала и репетировала перед зеркалом, — маленький Владик сам видел, как она готовилась, читала дома свои стихи, останавливалась на полуслове, повторяла снова с другой интонацией, с другим выражением лица. Владика иногда на выходных позволяли пожить у бабушки-артистки, и ему нравилось наблюдать за ней, он даже восхищался, как она легко могла поменять интонацию, ударение, словно прощупывая, как лучше, пробовала на вкус и так, и этак. Но читала она очень просто, без театральных эффектов, без заученных жестов и гримас, не повышая голос, не делая многозначительных пауз.

Бабушка читала свои стихи везде, где могла, и Владик безумно радовался, если мог пойти с ней. Они посещали все праздники улицы или двора летом. Владик наблюдал, как внимательно слушали зрители его бабушку, как аплодировали ей, улыбались, подходили к ней и благодарили. Бабушка участвовала в концертах самодеятельности в клубе, участвовала в конкурсах чтецов.

Она даже ездила на выступления в другие города в пределах их области. На заводе, где работала бабушка, все её хорошо знали с её выступлениями, ни одно мероприятие без неё не обходилось. Иногда даже, если какое-нибудь собрание было уж очень скучным, то её просили: «Кузминична, давай почитай что-нибудь».

Только мама с пренебрежением относилась к выступлениям бабушки, иногда даже смеялась над этой причудой. Про её выступления мама отзывалась: «Опять читает что-то из своего „мечтать, страдать, любить, ведь это всё и значит — жить“». Эта строчка врезалась ей в память из выступлений, или мама сама её скомпоновала и считала теперь девизом всего репертуара свекрови.

Но это было ещё не всё. Гораздо хуже в глазах мамы было то, как бабушка одевалась на свои выступления. А бабушка так же основательно готовила свои наряды. Она шила на заказ яркие старомодные платья с рюшами и воротниками, к ним находила где-то шляпки, украшенные цветами. Мама закатывала глаза от её нарядов. «Лучше бы с ребёнком стихи поучила...» — говорила мама.

Несколько раз бабушка с Владиком, по просьбе мамы, пытались учить его стихи, заданные в школе. Но ничего путного из этого не получалось. Во-первых, Владика было скучно учить стихи, ему больше нравилось смотреть, как учит и рассказывает их бабушка, её стихи были гораздо интереснее, чем задаваемые ему. Бабушка уж читала ему несколько раз его стихи, пыталась его увлечь ими. Но всё было напрасно, поскольку, во-вторых, когда Владик был у бабушки, у него не было никакого настроения что-либо учить, так как время у бабушки было праздником, каникулами, и тратить его на учение было глупо и совершенно невозможно. Два раза они выучили с бабушкой кое-как его стихи, но результат их учения был довольно плачевный, и после того, как он принёс не самые лучшие оценки за домашнее задание, мама больше не просила бабушку выучить что-нибудь с внуком.

Выйдя на пенсию, бабушка не только расширила свой репертуар (готовиться к выступлениям она могла теперь всё своё время), но также стала разнообразить свои наряды. Самой удачной находкой бабушка сочла не только цветы на шляпке,

но и яркие гирлянды из цветов, надеваемые на шею. Бабушка пошла на курсы по изготовлению цветов из ткани и делала себе гирлянды для всех случаев и настроений. Когда мама увидела бабушку с её гирляндой, она только округлила глаза, сморщилась то ли в гримасе, то ли в улыбке, сказать уже ничего не могла.

На пенсии бабушка активно занялась продвижением своего творчества. Где она только не выступала теперь!.. Она ходила в школы на выпускные и читала напутствия выходящим во взрослую жизнь:

Сегодня ты покинешь школу,
Уйдёшь в большую жизнь.
Пусть будет светлою дорога,
С добром по ней иди стремись.

От её чтения растроганы были не только выпускники, но и учителя и родители.

Бабушка ездила за свой счёт в детские лагеря и выступала на линейках. Она напрашивалась в учреждения и фирмы на праздники, особенно любила она Восьмое марта и День защитника Отечества. Бабушка просто ходила по доступным учреждениям и предлагала выступить на празднике с поздравлением. Многие руководители, придя немного в себя от её напора и неожиданности, с радостью приглашали её выступить, особенно узнав, что это бесплатно.

Да, бабушка выступала совершенно бескорыстно, материального вознаграждения она не требовала. Наградой для неё были аплодисменты и радость в глазах слушателей. А радость зрителей от её чтения была несомненна: если встречали её иногда с недоверием и усмешкой, то провожали её всегда аплодисментами, даже не хотели отпускать, просили прочесть на бис. И бабушка читала. Она могла часами читать свои стихи.

У неё даже появились заказы: иногда её приглашали в офисы поздравить кого-то из сотрудников, кому хотели сделать сюрприз на день рождения или по другому радостному случаю. Ей даже платили за такие выступления. «Хоть это и расходуется с моими правилами», — говорила бабушка. Такие поздравления требовали особой подготовки, это не входило в обычный репертуар бабушки. Но она всегда справлялась блестяще: яркой птицей приходила в офис, читала своё поздравление, а подбрано оно было с точностью до невозможности, вручала подарок или цветы расчувствовавшемуся виновнику, а остальные стояли вокруг и снимали всё это для потомков. Бабушка иногда показывала фотографии с тронутыми до слёз клиентами.

Бабушка постоянно искала контакт с публикой. Она могла разговориться с кем-то в транспорте, в очереди — и уже, глядишь, читала ему стихи.

Как-то бабушка непонятными путями попала в военную часть и выступала со своими стихами

перед новобранцами. Им читать бабушке очень понравилось. «Сначала они смотрели на меня с удивлением, когда я появилась перед ними во всём моём пёстром наряде, — рассказывала бабушка. — Но когда я стала им рассказывать мои стихи, они постепенно раскрывались душой, тянулись ко мне, как цветочки к солнцу, потому что я говорила им о том, что им было важно. Я уж подобрала для них особенное: про тихих девушек, которые ждут и надеются на счастье, про большую жизнь, которая требует борьбы и риска. Они у меня слушали, как зайчики».

Бабушка и на радио выступила. Нашла она какого-то корреспондента, сама предложила ему взять у неё интервью. «Я стихи читаю, вашим слушателям будет интересно», — заявила ему бабушка. Он рассмеялся в ответ. Но бабушка уже рассказывала ему свою историю, что она ходит к людям и читает им. Стала читать ему стихи. И он должен был признать, что такое может быть интересно радиослушателям. Он приходил к ней домой, записал интервью, сообщил потом, когда выйдет в эфир. Дело было днём, поэтому родители не слышали, а бабушка слушала; правда, интервью получилось короткое, рассказывала она потом им, стихи её тоже порезали, что и не узнаешь. Бабушке не очень понравилось.

С возрастом Владик потерял всякий интерес к выступлениям бабушки, у него была своя важная и увлекательная жизнь, бабушке не было в ней места. Он не особенно волновался, когда бабушка заболела, у него был как раз выпускной класс и забот своих хватало.

Бабушка умерла, когда Влад сдавал свою первую сессию в университете; он на кладбище не мог поехать, так как у него был экзамен. Приехал же на поминки. И они произвели на него тяжёлое, давящее впечатление: какие-то старухи в чёрном, бывшие коллеги бабушки рассказывали что-то тихо и печально. И папу было жалко. Влад поскорее ушёл к себе в комнату.

Квартира бабушки предназначалась для Влада, когда он вырастет и заведёт семью, а до того времени её решено было сдавать. Хорошую мебель и вещи они вывозили к себе, оставляли только необходимый минимум для жильцов. Владу пришлось с родителями ехать разбирать вещи.

Мама стала раскладывать бабушкины вещи по кучкам: что — на помойку, что — отдать родным и знакомым, что — отправить в дом престарелых. Папа с каменным лицом отстранился, они с Владом только выносили тюки по назначению — на помойку или в машину.

Пока папа был на кухне, мама быстро отправила в пакет для помойки бабушкины тетради со стихами. Мама мельком заглядывала в тетради, убеждалась, что это, и прятала их в пакет. Выносить их на помойку было поручено Владу.

Они очистили бабушкину квартиру и сдали её. Мама нашла жильцов, сначала всё шло хорошо, но со вторыми или третьими жильцами получился конфликт: они платить не хотели и не выезжали. Мама взяла папу и Влада, чтобы выгнать жильцов. Одна она общаться с ними боялась, так как они ей нахамили, а кроме того, вместе с молодой парой, которой сдали квартиру, там находился ещё какой-то мужик.

Влад ехал в плохом настроении, он учился на последнем курсе и как раз поссорился со своей девушкой, причём основательно, он даже уже не был уверен, что они помиряются. Он ведь давно думал, что они поженятся... А она обвинила его в эгоизме, что он совершенно не считается с её мнением, и вообще, они, видимо, уже надоели друг другу...

Влад не знал, что делать. Самому звонить — не позволяла гордость. А она не звонила. Влад ехал и мрачно размышлял об их отношениях.

К счастью, квартира оказалась пустая, жильцы съехали. Они втроем ходили по квартире и считали убытки от жильцов. Жильцы оставили кучи мусора и грязи (маме чуть плохо не стало, когда она увидела ванную), увезли стул и две табуретки из кухни. Табуретки не жалко, махнула рукой мама, они были старые, их выбросить надо было. Дверцы шкафчиков на кухне все были сбиты и держались на честном слове. Шкаф в комнате тоже был в шрамах, будто его пинали.

Родители совещались на тему: стоит ли ещё сдавать квартиру, или вынести всё на помойку и начать ремонт? Папа говорил, что рано ещё делать ремонт, зачем квартира пустовать будет?

Владу было скучно от этих разговоров, он сел на подоконник в кухне, проверил телефон, не пропустил ли звонок. Стал смотреть в окно, в пасмурность весеннего денька, во двор своего детства.

Когда он выходили из квартиры, мама заметила, что надо сменить замок, ключи ей жильцы не отдали.

— Думаешь, они вернуться? — спросил папа.

— Могут. От этих можно всего ожидать.

Папа сказал, что купит замок, потом вставят. А лучше дверь вообще сменить, она старая и ненадёжная.

Родители по дороге к машине обсуждали, надо ли менять дверь и сколько это будет стоить.

Во дворе они встретили старика, он сказался бывшим сослуживцем бабушки, подошёл к ним, поздоровался. Папа его помнил, он был на похоронах. Обменивались фразами о жизни, о здоровье. Папа сказал, что проверяли квартиру после жильцов.

Старичок перевёл речь на их бабушку: — Мама ваша была замечательным человеком. Как она стихи читала — заслушаешься. Но не просто заслушаешься — она могла поддержать человека, вернуть ему веру. Я сам знаю: она меня как-то поздравляла с днём рождения, а тогда как раз началась вся эта неразбериха, нам зарплату не выплачивали, мы не знали, что нам делать, как жить дальше. И мама ваша прочитала мне какое-то такое небольшое стихотворение, я уже не помню в рифму, но смысл был в том, что ты ведь не можешь сдать и сломаться, потому что ты мужчина, а они идут до конца, они не могут не бороться. И так хорошо это было сказано, так правдиво и просто. Подняла она меня тогда, ваша мама. Я подумал: а я не сдамся, у меня семья, мне есть для чего жить. Сам-то ты это тоже вроде знаешь, но вот когда тебе так вот скажут в лицо, то начинаешь осознать... Да, ваша мама, она могла... Я об одном только жалею, что не попросил у неё тогда это стихотворение, чтобы она мне его записала. Я бы его перечитывал. И с внуками бы выучил наизусть.

Влад с интересом разглядывал старичка, как он размахивал кулаком, словно стучал им по столу. — Жаль, что нет больше вашей мамы, — добавил в заключение старик. — Ваша мама умела найти слова, которые делали человека счастливым.

Они попрощались с ним, шли дальше к машине, молчали.

— Да, — усмехнулась мама, когда они поехали, — раньше я как-то не задумывалась, а теперь я бы тоже почитала стихи твоей мамы, что там было такого особенного, что так людей задевало.

— Да, — ответил отец непонятно к чему.

— А у нас даже записей её не сохранилось. Я бы сейчас почитала её стихи, — вздохнула мама.

Влад попросил:

— Пап, останови, я выйду. Пойду погуляю. Потом на автобусе приеду.

Отец притормозил, Влад вышел, махнул маме в окне рукой. Он решил сейчас же позвонить своей девушке.